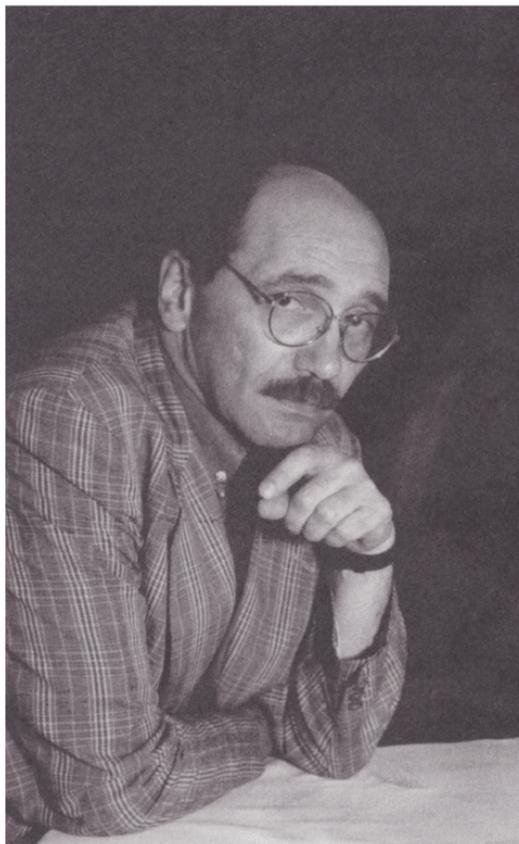

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Александр Кабаков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

Москвариум

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ

МОСКВАРИУМ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Мы с Сашей знакомы бог знает сколько. Репортерами работали еще в яковлевских «Московских новостях». Однажды чуть не разбились вместе на автомобиле. Между тем, как я стал в МН главным редактором, а Саша моим замом, по нему мощно, из всех орудий и стволов ударила слава. «Невозвращенец» стал главной книгой времен первого отрезвления от перестройки. Тут и Париж, и интервью, и лицо провидца по телевизору. Но он был и оставался, когда надо, пунктуальным газетным чернорабочим: правил заметки, не опаздывал никуда и никогда, ругался с авторами.

Может потому что слава пришла к нему не рано, он все никак не мог в нее вписаться. Как-то немного стеснялся и, выпивая с дружбанами, все сваливал на случай. Как у любого человека с хорошим чувством юмора, его ирония была направлена прежде всего на себя. Видимо поэтому при большой славе и неплохих литературных заработках ему хватало ума никогда не уходить из журналистики. За человеческой легкостью, за шутками и уважением к виски стояла железная самоорганизация. Книги пошли одна за одной и он волей-неволей оказался одним из первых литературных снарядов, протаранивших железобетонную и несменяемую шеренгу главных советских писателей.

Как бы жизнь нас не разводила, я всегда мечтал, чтобы в издании, которое редактировал, звучал Сашин голос. Так получилось и с рубрикой «Москвариум» в «Огоньке», которую Кабаков вел почти полтора года. Из нее мы и сложили эту книжку «библиотечки».

Виктор Лошак

Уважаемые читатели!

*Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru*

© Издательский дом «Огонек», 2008

КАК РЫБЫ В ВОДЕ

Откуда оно взялось, откуда всплыло дурацкое это слово, от которого уже не избавиться — застряло в голове?

Возможно, из того огромного стеклянного ящика, оборудованного по всем правилам роскошной аквариумной жизни, который от нечего делать рассматривал я в приемной модной клиники. Таков закон: одни ходят по модным дискотекам и клубам, другие по модным больницам, причем в свое время все из первой категории переберутся во вторую...

Таинственные тени вуалехвостов и розовые стрелы красноперок скользят в подсвеченной воде среди пластмассовых на вид водорослей и камешков. Встречаются, застывают на мгновение, глядя друг другу в очумелые от непрерывного движения рыбы глаза — и разлетаются, будто навсегда. Кто-то на плаву ухватывает спустившуюся сверху крошку еды и разумно скользит в сторонку, залегает на дно; двое сталкиваются и, отчаянно работая плавниками, несутся наперегонки в высшие слои, откуда спускается и достается счастливым пищевого счастья; мечтательно настроенная гуппи болтается без дела на пересечении главных путей; стремительный меченосец целеустремленно летит за полупрозрачной золотой рыбкой мечты...

В точности как мы — жители гигантского города, ловцы московского призрачного счастья, дорогие — кому?! — москвичи и непрошенные гости столицы. Не бывает ли у вас ощущения, что кто-то смотрит на всех горожан сквозь большое стекло, наблюдая от нечего делать нашу суету? У меня бывает.

А иногда — по мере того, как собственное скольжение в привычной среде дается все тяжелее, все больше мешает поднятая со дна наиболее быстрыми пловцами муть, — возникает желание и самому взглянуть на наш москвариум снаружи. Или просто прервать бесконечное движение, повиснуть в самом неподходящем месте, словно задумчивая гуппи, огля-

нутья — бесконечно можно разглядывать разноцветные наряды, плавники и хвосты, серьезную и потому особенно комичную суету, их нравы и манеры... То есть не их, конечно, а наши.

Заметки о москвариуме, вот что это будет.

Сентябрь 2005 года

ДЕТСКОЕ ОГОРЧЕНИЕ

Раньше их было много — маленьких детей в метро.

Их везли утром, спеша до работы забросить в детский сад или ясли, и вечером, торопясь готовить, стирать и убирать. Заведения, объединявшие садик и ясли, назывались детскими комбинатами, будто там не присматривали за детьми, а делали их. Получение места в так называемом городском деткомбинате возле дома было редкой удачей, поэтому и возили с пересадками в учреждения ведомственные, очередь на прием в которые была поменьше и соблюдалась профкомами.

В каждом вагоне подземной электрички было полно младенцев на родительских руках. Дитя выглядывало из-за материнского или отцовского плеча и поражало серьезностью лица. Глаза детишек были осмысленно печальны, будто они сочувствовали взрослому, замордованному социалистическим бытом. На самом деле, возможно, их огорчала перспектива очередного дня в неприятном месте, где няньки и воспитательницы называли поднадзорных исключительно по фамилиям и запрещали им все. «Иванов, куда пополз? Ты опять, черт, мокрый!..»

Теперь детей в общественном транспорте почти нет.

Статистика говорит, что рожают от бедности меньше. Вероятно, дело и в этом...

Я-то лично из людей детородного возраста знаю в основном неплохо зарабатывающих. В их семьях по двое, а то и по трое детей, но никуда они в метро и троллейбусах потомство не возят, да и сами ездят хотя бы на сильно подержанных, но иномарках. Наследников же поручают нянькам, найти которых теперь нетрудно. Платить им готовы из последних денег, даже из специально найденного приработка. Что угодно, только бы не вставать на рассвете, не будить детишек, не везти их черт знает куда...

И некуда, в общем-то, везти. Вот на первом этаже моего московского дома был когда-то детский садик — так давно уже некая таинственная фирма торгует там неким таинственным оптом.

А в метро без детей стало совсем грустно. Хмурые подростки с музыкальными затычками в ушах, перепуганные приезжие да милиционеры, роящиеся в их сумках и документах...

Сентябрь 2005 года

ПОРА В НОЧНОЕ

Удивительные люди, с которыми я живу в одном городе, понемногу превращаются в кошек: их активность за последние лет 10 заметно сместилась на темное время суток. Откуда у них берутся силы еще и для напряженной дневной деятельности — непонятно.

Другие знакомые мне урбанистические гиганты отводят бессоннице развлекательные гетто. В Париже до утра сияет только старый Латинский квартал, заполненный исключительно туристами, которые с поздним аппетитом едят в открытых специально для них греческих забегаловках. В Лондоне лишь темное и недоброжелательное Сохо среди ночи изредка оглашается возмущенным воплем туриста же, которого ввиду закрытия раздраженный пакистанец выставил из пыльного стрип-клуба. На Манхэттене, в районе доживающих свой порочный век 40-х улиц, колеблются тени и призраки, а 100 м в сторону — опасная тьма да стук каблуков одинокого безумца...

Москва не спит вся.

Вопли и грохот, вырывающиеся на рассвете из дверей модного молодежного клуба, давно уже не удивляют. Без всякой статистики ясно, что на душу мирного населения в нашей столице этих заведений приходится больше, чем в любой другой. Привычными, как ларьки, стали и казино, которых здесь наверняка не меньше, если не больше, чем в Монте-Карло и Лас-Вегасе, вместе взятых. Без перерыва на сон они облегчают бумажники и души лихих детей удачи... Но обычная, черт возьми, торговля идет 24 часа в сутки — вот ведь чудо! Очередь в кассу супермаркета, состоящая в три ночи из добропорядочных молодых семейств, даже с младенцами в колясках, серьезных служащих в офисных пиджаках и одиноких

девушек студенческого вида, наводит на мысль о биологических изменениях местной человеческой породы. В «Крокус Сити» за МКАД бутики работают нон-стоп, и я впадаю в оцепенение, становясь свидетелем ночной покупки костюма из новой коллекции Cerruti за 3000 и малахитового умывальника за все 20 000. А на паркинге не протолкнешься.

Понять это нельзя. Одно слово — Москва.

Сентябрь 2005 года

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

Все, кроме самых заскорузлых мужских шовинистов, уже привыкли к тому, что едва ли не половиной легковых автомобилей на московских улицах управляют женщины, в основном молодые. Маленькие корейские машины и гигантские джипы подверглись феминизации в первую очередь. Но теперь можно увидеть юную даму и за рулем суровой «Волги», и на водительском месте боевой «девятки»... С этим смирились даже свято хранящие свои традиции инспекторы дорожного движения — в конце концов, какая разница, откуда нарушитель вынет деньги: из солидного бумажника или легкомысленной сумочки.

Другая, сравнительно новая тенденция автомобильной демографии — очень молодые мужчины, почти подростки, рассекающие поток на самых дорогих, мощных и тяжелых, нередко спортивных автомобилях. Паренек в линялой футболке (только посвященный поймет, от какого модного дома эта тряпка и сколько стоит) за рулем баварской «шестерки» — купе или джипа Porsche Cayenne стал типичным персонажем столичного трафика.

Оставляя в стороне социально-историческую сторону, задумаемся в связи с этим наблюдением о дорожной обстановке.

В европейских странах, а еще заметнее в Соединенных Штатах существенную часть водительского сообщества составляют пожилые люди. На американской дороге постоянно встречаются глубоко преклонного возраста леди в фиолетово-седой завивке, правящие дредноутами 70-х годов, и джентльмены, при виде которых возникает мысль о кресле-каталке, но сидят они тем не менее на водительских местах в гигантских универсалах, «деревенских вагонах». Возможно, именно поэтому на их хай-

вехах практически никто и никогда не превышает разрешенные 60 миль в час... Давно ездят.

А на наших выбоинах и асфальтовых заплатках царит юный адреналин. Поколения времен бурной автомобилизации еще не успели состариться за рулем, стать мудрыми и осторожными. Тон в автомобильном движении задают жаждущие острых ощущений дети. А за детьми, как известно, нужен глаз да глаз — и все равно не уследишь.

Октябрь 2005 года

НЕНАВИЖУ МУЗЫКУ!

Голосуя случайной машине и назначая цену за провоз (у нас почему-то цену положено называть пассажиру), говорю твердо: «С «Шансоном» — 100, без — 150». Иногда помогает.

Так много музыки только в черных кварталах американских городов и в арабских странах, там она свидетельствует о расовом и национальном возрождении. О чем свидетельствуют Катя Лель и певец Данко, я не знаю. Если тоже о национальном возрождении, то у нас нет шансов.

Днем в парижском кафе слышны стук вилок и ножей, тихие разговоры, доносящийся с улицы городской шум. В Москве не слышно ничего, кроме собственного внутреннего голоса, молящего о пощаде. Трехсловные признания в любви, положенные на две ноты, и лирический блатняк гремят в ресторанах, магазинах, подземных переходах и парках. Лишь в самых дорогих заведениях есть вероятность посидеть в тишине или под негромкий аккомпанемент.

Водитель, выключая радио, сочувственно спросил: «Музыку не любите?» — «В том и ужас, что люблю», — признался я.

Ни над одним цивилизованным городом музыка не гремит с такой истинно нечеловеческой силой. Для нее есть дискотеки, клубы и прочие специальные места, от которых ничего другого не ждут, а юные любители, готовые из любви к музыке со временем полностью оглохнуть, ходят, как и наши, с плеерами и в наушниках. В Москве же уличный продавец шаурмы озвучивает весь квартал и удивится, если ему сказать, что он нарушает общественный порядок.

Дело не в качестве звуков, у каждой национальной аудитории такая попса, какая аудитория. Если здесь нравится песня про черный бумер, то, значит, именно она и соответствует народному представлению о прекрасном. В конце концов, американский гангстерский рэп тоже не Гендель. Но от него в Америке можно укрыться, у нас от искусства не деться никуда.

Права человека, свобода экономики, гражданское общество... Без этого, конечно, в приличную компанию не пустят, как можно. Но музыку-то выключить не забудьте! Ну или потише сделайте. Хотя бы.

Октябрь 2005 года

САМИ НЕ МЕСТНЫЕ

Между москвичами и приезжими отношения издавна напряжены. Когда заветная прописка еще непоколебимо стояла на страже московского пространства, а весь Советский Союз стремился в ГУМ, ЦУМ и «Детский мир» за дефицитом, который в этих легендарных местах иногда всплывал, и тогда самые энергичные провинциалы пробивались сквозь все преграды, внедрялись в богатую возможностями столичную жизнь. С одинаковым южнорусским или украинским акцентом говорили генсеки, лауреаты госпремий и тщеславные юноши, только что зацепившиеся за краешек желанного города фиктивным браком или служебной жилплощадью по лимиту. Расслабленные изначальными преимуществами москвичи не первого поколения неприязненно наблюдали за тем, как периферийные растиньяки делали карьеры... Хотя ведь заслуженно делали — Москва отбирала самых способных.

Свобода обострила ситуацию. Едва ли не полгорода теперь вообще не говорит по-русски. Москва проходит тот же путь, что раньше проделали Париж и Лондон, Берлин и Рим, — она становится моделью мира. Без таджикских, азербайджанских, украинских, вьетнамских и всех прочих гостей столицы мы уже не выживем: зарастут грязью наши двory, навеки недостроенными останутся новые дома, опустеют рынки...

Их грабит милиция, их жаждут извести национально озабоченные депутаты, их просто бьют бритоголовые отморозки, и даже приличные люди косятся на них с раздражением: слишком заметны они в городском пейзаже, не адаптируются. И о местном бандите говорят

просто «бандит», а о пришлое — с обязательным упоминанием национальности.

Опомнимся же: ведь и сами мы, как говорят профессиональные сборщики милостыни, люди не местные. Просто некоторые здесь появились на свет от приехавших в незапамятные времена родителей, другие приехали по собственному выбору давно, а некоторые — только что. В сущности, москвичи — это нация, нация гостей столицы, только гостевой стаж разный. И выяснять нам отношения между собой глупо и неприлично. Мы же в гостях все-таки...

Октябрь 2005 года

ПОБЕДИТЕЛИ НЕ СТАРЕЮТ

Дети — а уж тем более внуки — всегда инопланетяне. И мы изумляли родителей вкусами, раздражали манерами, пугали взглядами... Но есть одно существенное отличие нынешней молодости от нашей: мы долго оставались наивными и непрактичными дурачками, а выглядеть хотели взрослыми, солидными — теперь же юноши и девушки стараются как можно дольше выглядеть подростками, даже сделавшись в действительности вполне значительными персонами, хозяевами жизни.

Я рассматриваю свою первую студенческую фотографию — вполне еще детское лицо, но пиджак, галстук, аккуратный пробор... Все по той же самой моде, которой тогда следовали и тридцати-, и даже пятидесятилетние пижоны. Потом я оглядываюсь по сторонам и вижу вполне взрослых людей, которые похожи на безбашенных старшеклассников.

Их много в московской толпе — пренебрегающих бритьем сорокалетних юношей в дизайнерских рваных и как бы грязных джинсах, с тинейджерскими рюкзаками... Лишь заметив, что молодой человек вышел из серьезного офиса и направляется к соответствующей машине, понимаешь, что это топ-менеджер, а то и генеральный директор. Мужской костюм он не всегда надевает даже в Кремль и Белый дом... Его ровесницы ходят с голыми животами в любую погоду, в коротеньких курточках из многотысячных мехов, ловко замаскированных под искусственные, и все еще смотрятся дворовыми девчонками. В прежние времена они носили бы каракулевые манто, теперь покупают ту же одежду, что их дочери.

Раньше молодость была переходным состоянием, настоящая жизнь — профессиональное признание, достаток, общественный статус — наступала вместе со зрелостью. Сегодня успеха добиваются рано, эпоха благосклонна к тем, кто быстро раскрывает ее секреты, и поймавшим удачу нет нужды меняться, по крайней мере внешне. Победитель должен быть молодым, только молодой может быть победителем. Молодость — это престижно.

Так мы и расходимся все дальше: одни в бесконечную умудренную юность, другие в короткую бестолковую старость...

Ноябрь 2005 года

ГРЯЗНЫЕ И ОПАСНЫЕ

Ни по какому цивилизованному городу не ездят грузовики среди бела дня. Ни в Берлине, ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне я не замечал этих монстров, расталкивающих автомобильный поток. Странное дело — ведь и строек там полно, и вообще большая часть всех грузов перевозится по асфальту, а машин грузовых почти не видно. То есть в городах их будто и вообще нет, а по магистралям днем летят только тягачи с многометровыми чистейшими прицепами — нарядные, мигающие, словно елки, огнями, сверкающие хромом, яркой окраской и рекламными надписями. Лишь однажды, оказавшись на рассвете в центре французской столицы, встретил череду огромных самосвалов, выезжавших из-за забора, которым была окружена строившаяся тогда перед Лувром стеклянная пирамида. Каждый гигант проезжал по большой щетке, положенной в воротах щетиной вверх: чтобы не пачкать колесами мостовую.

Боже мой, сколько их в Москве! Чудовищно ржавых, мятых, годами не мытых, плюющихся убийственным синим дымом, разваливающихся на ходу... Никакие строгие решения мэрии — не пускать внутрь Бульварного и даже Садового кольца — не действуют, потому что, как известно, на любое решение у нас есть исключения в массовых масштабах. А уж вне Садового кольца вообще ничто не препятствует этим страшным аппаратам уродовать пейзаж и разгонять остальной транспорт. Ни одному гаишнику не придет в голову оштрафовать водителя грузовика за грязную машину — вот немые иномарки позорят столицу, а грузовику каким же

еще быть? Это работяги, а работяги у нас с известных времен гордятся грязными робами и бесцеремонностью. И едут уверенно поперек всех рядов с мертвыми поворотниками, выдавливая мелкоту, — посторонись, частник, перед бывшим гегемоном.

Что они должны ездить в приличном виде и то исключительно ночью, не решается постановить даже мэрия: нельзя притеснять пролетариев, водители от ночной работы все разбегутся, несмотря на безработицу.

Самому, что ли, разбежаться из путающейся под их колесами машины... Да некуда.

Ноябрь 2005 года

ПОД ОХРАНОЙ

В подмосковной деревне, где я живу, страшная безработица — целыми днями здоровые мужики стоят на центральной площади, томятся без дела. А вокруг таджики строят неисчислимые коттеджно-дворцовые поселки. Местные на предложение поработать — например, вырыть небольшую траншею на участке — гордо, даже не спрашивая об оплате, отвечают: «Талибов зови».

Потому что все они мечтают лишь об одной занятости — охрана, сутки-трое.

«Сутки-трое, камуфляж» — вот искомая формула национальной идеи, выраженная в словах мечта о счастье.

Такого количества мужчин в форме частных охранников нельзя увидеть ни в одной мировой столице, кроме Москвы. У мраморного подъезда банка и возле ларька-стекляшки, перед пятизвездной гостиницей и у грязного входа на оптовый рынок одинаково переминаются эти люди в черных или пятнистых ватных куртках. Угрюмая одежда с надписью «охрана» — наш самый популярный, практически народный мужской костюм.

Напрашивающееся объяснение — мол, у нас опасно, охрана необходима, потому ее и много — не кажется мне исчерпывающим. Во-первых, кого хотят убить, и так убивают, и никакая охрана не помогает. Во-вторых, от кого охраняют киоски и торговые ряды? Тем, кто мог бы представлять для них угрозу, владельцы регулярно платят, все давно поделено, никто не покушается на чужих вассалов, а покусится — так неужели этот

рыхлый дядька в ватнике отобьет атаку? И зачем охранник в уродливой форме перед гостиницей, разве молодой швейцар в красивой livree не может выполнять те же функции?..

Я думаю, охрана стала у нас массовой профессией потому, что такова воля наших масс. Массам нравится нетяжелая работа, суть которой — в ношении дубинки и в суровом вопросе «куда?!», адресованном мирным гражданам. А работодателям инстинкт самосохранения подсказывает: надо пойти навстречу народным чаяниям. Спокойней платить \$300 этому бездельнику в форме, чем не платить. По крайней мере, сутки через трое он на виду, под присмотром.

Ноябрь 2005 года

ИГРА НА ПОНИЖЕНИЕ

Столичный город населен финансистами, молодыми и не очень, дипломированными и самообразовавшимися. Всем известно, что значат «опцион», «регейлер» и «франшиза». Молодые люди осваивают эти слова чуть позже «мамы», но гораздо раньше «Пушкина», даже употребляемого в образном смысле. «А уроки кто будет делать, Пушкин?» — «А кто такой Пушкин?» Другое дело — сообщение о поглощении крупной дилерской компании «Мегаинвест» холдингом «Русьпередел». Тут все ясно любому: и насчет фьючерсов, и относительно оптимизации рисков.

Поэтому о деньгах можно говорить только всерьез и с почтением, обо всем остальном — с усмешкой и адресуясь к нижним частям тела.

В телеэфире игра на понижение идет успешнее всего. Герои реалити-шоу одержимы кроличьей сексуальностью и маниакальной жадой призового миллиона. Сериалы придумываются и снимаются студийными буфетчицами и администраторами в рамках их представлений о драматургии и жизни. От пошлости юмористических передач устают, похоже, даже изготавливающие их профессиональные и опытные пошляки. Но продюсеры уверены, что тем, кто делает новые русские бабки, для отдыха нужны «Новые русские бабки». И продюсеры, вероятно, правы.

Телевидение быстро догоняют — иногда и обходят — эстрада, книгоиздательство, печатные СМИ, образование... Все снижают качество и радостно фиксируют рост спроса. Потребитель включен в эту игру на

равных: его причают к быстрорастворимым развлечениям, а он требует того, к чему причен.

В общем, ничего нового тут не скажешь. Меня же мучает только один вопрос: а лучше ли было в те времена, когда культура насильно тащила в небеса, а не макала в помойку? Когда настоящие книги читали потому, что дамских романов не было, когда по телику часами гнали раздражавшие народ симфонические концерты, когда снимали профессиональное, но сложное кино, когда распространялся по стране доброкачественный юмор, но исключительно из-под полы?

Зато никто не уважал деньги, потому что вместо денег была советская зарплата.

Ноябрь 2005 года

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА

Во времена моей молодости по переулкам вокруг Патриарших (официально Пионерских) прудов ходил — летом и зимой в сетчатой майке — старик, которого все называли дядя Исай. У него были буйная седая шевелюра, гигантский красный нос и авоська книг с иероглифами на корешках. Говорили, что он, ученый-китаист, в начале 50-х, когда искореняли космополитов, скрылся от возможного ареста, бросив квартиру, да так и живет с тех пор в подъездах и подвалах московского центра... Потом дядя Исай пропал навсегда, и я вставил его под тем же именем в свой роман, опубликованный уже только в перестройку.

В ранние 70-е по Арбату время от времени пробегал энергичный мужчина в клетчатом женском пальто и древней, еще темно-синей милицеевской фуражке. Малиновый околыш головного убора скрывала аккуратная бумажная лента с чернильной надписью «генерал тяжелых пулеметов». На бегу генерал что-то постоянно бубнил, и если прислушаться, удавалось разобрать точные цитаты из последней правдинской статьи, обличавшей американский империализм.

...Уже много лет на Пушкинской площади можно видеть даму неопределенного возраста в нескольких шубах, подпоясанных офицерским ремнем, в рваных шерстяных гетрах и очень грязных кроссовках. При ней всегда штук пять огромных пластиковых пакетов, она непрерывно ку-

рит — но никогда не просит сигарет! — и громко, но неразборчиво произносит бесконечную гневную речь. Однажды, смилив обоняние, я подошел к ней близко и сумел расслышать отдельные слова. Слова были вот какие: «демократы», «миллиард», «проститутка», «блин» и «Япония». Набор свидетельствовал о ее увлеченности не только главными внутривосточными, но и такими международными проблемами, как спор из-за островов. Утром примерно то же самое говорил телевизор.

А дама ответно посмотрела в упор, и я застыл на мгновение, не в силах отвести взгляд, словно перед отражением в кривом зеркале.

Интересно, какое у нее сложилось мнение о психическом здоровье назойливого прохожего.

Декабрь 2005 года

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

По статистике (хотел бы я знать, откуда она взялась), на каждые пять человек московского населения приходится одна бездомная собака. Кошачья статистика мне, к счастью, неизвестна — и без нее тоскливо.

Что-либо новое сказать по этому поводу невозможно. Написаны сотни горестных и гневных заметок, сняты десятки душераздирающих телесюжетов, пролиты моря слез добрыми читателями и зрителями...

Вот по поводу слез разве что. Откуда берутся эти почти овчарки с провалившимися от голода боками, бывшие болонки, превратившиеся в комки грязной шерсти, лабрадоры, почти не отличающиеся от своей самой знаменитой в стране соплеменницы, только тощие и навсегда испуганные? А это вы, добрые господа, их создали. Плачьте, плачьте — пусть вас мучает совесть. Это вы, души не чающие, спускаете с поводка непослушную собаку и не можете потом ее найти, это вы не пишете на ее ошейнике свой телефон и адрес, это вы раздаете щенков первым встречным, которым на второй день надоедают лужи на европаркетке... Это вы возмущенно отвергаете кастрацию котов и стерилизацию кошек — как можно насилловать природу! А в подъезде возле батареи ставите обувную коробку с котятами: авось возьмет одинокая старушка — у нее все равно уже 20 и в квартиру войти нельзя.

Собственно, мы если кого и любим, то именно так — пренебрегая последствиями.

...Некогда в городе Франкфурте-на-Майне я жил в маленьком пансионе. Там же обитал некто Ласт — обожаемый хозяйкой и всеми постояльцами гигантский овчар, добряк и умница. И вот однажды, когда я возвращался домой, Ласт выскочил из ворот, принялся радостно прыгать вокруг меня по тротуару... Немедленно на пустой улице возник полицейский. Я понял даже по-немецки: собака без поводка, без ошейника может сбежать или выскочить на проезжую часть, я как хозяин подлежу штрафу... Внимание, еще были марки: на DM300!

Вот и вся любовь.

Много раз и подолгу бывал я в Германии и ни одного бездомного животного там не видел. А у меня на них глаз наметанный.

Декабрь 2005 года

ПОЛНЫЙ КРУГ

В самом центре Москвы, в старом обжитом районе, существовала когда-то булочная. Обычная булочная, с батонами по тринадцать копеек, черным по девять и рижским, цену которого не помню, поскольку он появлялся редко. Все, что положено, было в этом предприятии советской торговли: затоптанный пол, запах сырости из подсобки и очередь, небольшая, но вечная... Продавщицы вели бесконечный разговор исключительно между собой. «Девушка, бородинский, пожалуйста». — «Мне что, разорваться?»

Но вот понеслись перемены, картинка замелькала, словно оборвалась в проекторе киноплёнка. Сначала исчез рижский, потом появились длинные булочки-багеты почти французского вида, после все накрылось первым за десятилетия ремонт, а затем пошли меняться вывески. Прежде всего, конечно, хлеб наш насущный заменился гораздо более насущным обменом валюты, потом китайско-турецкой спортивной одеждой, спустя недолгое время игровыми автоматами с подачей любого поддельного алкоголя... Здесь были риелторская контора, турбюро, бар с музыкой, отделение какого-то мимолетного банка и даже магазин кухонной мебели с предоплатой по каталогам.

Про булочную все давно забыли. Вокруг капитализм всходил как на дрожжах, офисы и пентхаусы являлись из пустоты — не до булочной.

А она вдруг возьми да и откройся на днях. Но какая! Не булочная, а храм свободного и потому избыточного рынка. Над входом имя хозяина старинным шрифтом написано, уборщица в чистойшей униформе непрерывно моет и без того сияющий мраморный пол, резное дерево кругом, тихая музыка с небес, хлеб двадцати сортов, мелкая выпечка тридцати, сопутствующие деликатесы и кафетерий с дивными запахами... Европа, даже лучше Европы.

Только продавщиц я сразу узнал. Они, правда, помолодели и приоделись, как все мы, но разговор между собой после долгой разлуки возобновили тот же. «Девушка, круассанов, пожалуйста...» — «Я занята, не видите, что ли?»

Так легко стало на душе! Нормальная вернулась жизнь, наша.

За моей спиной понемногу выстраивалась очередь...

Февраль 2006 года

НЕНАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Старческая ли ностальгия виной или есть не только субъективные, но и объективные причины — как бы то ни было, а все больше симпатичного вспоминается о том времени, которое умом давно отвергнуто, а в душе, оказывается, осталось. Вот пожалуйста: слова советских лирических песен — стихи были вполне приличные и, главное, осмысленные! Не «девочка моя, я люблю тебя», а, например, «всё — только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». Банальность, конечно. Но сказано неплохо.

Обитатели непостижимо гигантского, почти полностью нового населенного пункта под древним названием Москва старательно, хотя и не имея осознанной цели, сокращают свою жизнь. Кажется бы, только что наступило настоящее, приведена в порядок отчетность по международным стандартам, зафиксировавшая неплохие итоги года... Ну отдышись, погляди на зимний закат чистого золота, пробившийся сквозь белесую муть... Как бы не так. Став настоящим, светлое будущее, даже сугубо индивидуальное, немедленно делается прошлым, зазора не остается. Ос-

тановить мгновение, пусть самое прекрасное, мы более не пытаемся, да и не мечтаем. Процесс существования сам по себе не приносит растянутой хотя бы на упомянутый миг радости. Удовлетворение, если и возникает, то лишь задним числом, от достижения намеченной точки. Движение не прекращается ни на миг — от этого слова я уже не избавлюсь — и становится, уж простите, господа, ослиной рысью за привязанным перед мордой пучком сена.

В этом, следует признать, есть резон. Остановись — тут же нагонит толпа, стиснут, перекроют кислород. И скажи спасибо, если вообще не стопнут. Кроме того, для нового разгона потребуеться огромная энергия, инерция будет утрачена, растворится в трении и лишь чуть заметно согреет воздух вокруг мечтателя. Я знаю нескольких еще вполне энергичных людей, решивших сделать перерыв, подумать, глядя в дачные дали... Увы, вернуться в забег им уже не удалось.

Но жизнь, жизнь, только миг настоящего времени — где же она?

Февраль 2006 года

ПИР ПИРАНИЙ

Зимой Москва и ее пригороды — вопреки естественному желанию каждого разумного существа впасть от тьмы и холода в спячку — кипят светской, художественной, интеллектуальной и прочей ненастоящей жизнью. Народ собирается на тусовки по профессиональным, имущественным и иным социальным признакам. Одни — в альпийском Куршевеле, давно ставшем ближним Подмосковьем, для демонстрации лыжной экипировки, другие — как водится, в каком-нибудь музее, среди богатой красоты, для вручения себе премий, третьи — просто так, выпить с приятелями в клубе...

И везде находятся люди, считающие своим призванием и правом говорить обо всех правду. Любому желающему они радостно сообщают, что банкир N приехал с новой, но недорогой любовницей, что лауреат — бездарь и плагиатор, что миллиардер NN, известный своими содержанками, сам на содержании у госструктур, что жюри проплачено, что вокруг сплошь жулье, что нынешняя жизнь в целом — «настоящее г...», но и прежняя была оно же. В мутноватой воде мегаполиса они ведут себя, как положено

хищникам: набрасываются на все, что движется. Среди таких правдивостов вертятся холодные профи массовой информации, питающиеся подноготной грязью по служебной обязанности, так что сообщения эти регулярно печатаются в газетах и журналах, произносятся под телекамерами. Носитель абсолютной истины становится популярен, и вместо того, чтобы на порог не пускать, его всюду и непременно зовут. Жириновские от политологии, культурологии, социологии и тому подобных «логий» делают бешеные PR-карьеры.

Самое интересное и неприятное: говорят-то они в большинстве случаев совершеннейшую правду. Видимо, поэтому те, кто обогащен с головы до ног этой правдой, приветствуют их улыбками, а не пощечинами. Публичная порча воздуха теперь считается свершением творческого акта. Понятие «нерукопожатный господин» осталось в XIX веке. Массмедиа сделали нас вполне цивилизованными, ток-шоу, увы, навсегда заменило дуэль. Так оно спокойней, конечно.

Но слегка подташнивает.

Февраль 2006 года

ЧУЖОЙ КАРМАН — ПОТЕМКИ

Во все времена Москва была и сейчас остается родиной повседневного экономического чуда. Большая часть ее населения всегда жила и продолжает жить не по средствам, при этом никак не наступит крах — наоборот, процветание бушует на просторах удивительного города.

Я помню изумление, которое вызывали девочки-секретарши в давние советские годы: зарплата восемьдесят — австрийские сапоги за сто сорок, причем их же еще достать надо, колготки вообще неизвестно почем и откуда, свитер из привозной югославской шерсти вот-вот будет готов и неотличим от фирменного... И еще остается на пачку микояновских пельменей. На этом фоне даже многолетняя профкомовская очередь за автомобилями по шестьдесят хороших инженерских зарплат не казалась чем-то сверхъестественным. Наш средний человек упорно жил лучше, чем ему полагалось.

Но теперь, в эпоху неумолимого рынка и бесчеловечного чистогана, как и откуда берут люди деньги, чтобы жить не по средствам?! Как может

юный менеджер ниже среднего звена при зарплате в тысячу снимать квартиру за пятьсот, ездить на сильно подержанном, но приличном автомобиле, регулярно зажигать в модном клубе, где чашка условного кофе стоит шесть условных единиц, и всерьез подумывать об ипотеке?.. Как может продаваться квадратный метр жилья по цене, минимум вдвое превышающей средний месячный заработок, а ведь он продается и покупается... Откуда взялись все эти легковые машины, по одной на каждого третьего жителя, а ведь они стоят в пробках, вот они...

Чиновников в расчет не берем. Часики в три годовых официальных жалования на их запястьях, их коттеджи и джипы, конечно, свидетельствуют о волшебных способностях хозяев. Но эта магия последующего разоблачения не требует, с нею уже давно все ясно.

А вот финансовые тайны мирного населения разгадать невозможно. Остается предположить, что деньги растворены в самом московском воздухе и, для того чтобы добыть их из атмосферы, требуется только столичная регистрация, хотя бы временная.

Февраль 2006 года

ГОРОД ГЕРОЕВ

Все очень много работают. Домой возвращаются часов в одиннадцать, заехав по дороге в мегамаркет за австралийским пивом и улитками в фольге на ужин. Ночью смотрят какой-нибудь дозор или последнюю поттериану на диске, поскольку премьера в кино была пропущена во время подготовки годовой отчетности. Утром тяжело побеждают организмы, натягивают на глаза капюшоны и дремлют в пробках. Рабочий день начинают с американского кофе в офисном буфете — и все закручивается снова: анализ динамики вторичного рынка пищевых добавок и реализация горящих синим пламенем туров.

Окна московских контор светятся едва ли не круглосуточно. Молодые — большей частью — люди проводят там почти безвыходно свои лучшие годы и ничуть этим не огорчаются. Там они заводят романы, отмечают дни рождения с традиционной водкой и любимым мартини, много, вопреки мировой моде и административным запретам, курят, сидят в Интернете и говорят о гламуре. Приличные зарплаты (загадочная сущность

московских денег не перестает занимать автора этих заметок) они тратят в основном на поддержание себя в рабочем состоянии — на аренду квартиры вблизи от службы, на фитнес-центр, на подобающую современному человеку одежду и считающуюся полезной и вкусной в их среде японскую еду.

Москва — город-герой труда, столица трудовой офисной славы. Ее населяют убежденные и последовательные карьеристы, самоотверженные риелторы, сулящие всем недвижимость, не задумываясь о неизбежности собственной, беззаветные менеджеры по продаже единственной своей жизни. Популярный в глубокой советской древности тип юноши, вяло обдумывавшего жите, решавшего вечные вопросы, игравшего в КВН и кое-как выполнявшего скучные должностные обязанности в оставшееся время, сгинул навсегда.

То, что московские труженики не производят ничего материального, не имеет значения. Крупнейший в стране город-завод по изготовлению букв и цифр работает на полную мощность, сияют компьютерные дисплеи, и служащие засиживаются перед ними допоздна...

Февраль 2006 года

ОБЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Все временно: детские мучительные комплексы, юношеские неосуществимые желания, кризис среднего возраста, длящийся почти всю сознательную жизнь, последние приступы физиологической заинтересованности — все минует, превратится из переживания в опыт... Как сказал один разочарованный в жизни царь, «и это пройдет».

Только старость навсегда. Дети — наше будущее? Нет, у них свое будущее, а наше будущее — старость. Она ничем не сменяется, о ней никогда не будешь вспоминать со слегка самодовольной усмешкой «как же глуп я был», старость не оставляет возможности оглянуться на нее, пожалеть об ошибках и подвести итоги. Молодость длится бесконечно, в один день вмещаются эпоха и судьба, с романами, разрывами, деловыми планами и пониманием их неосуществимости. Зрелый возраст идет с хорошей крейсерской скоростью, мощно и неостановимо, по намеченному маршруту, через запланированные стоянки в портах удач, свершений и по-

теперь. А старость пронесется мгновенно, гремя изношенными сцепками и страшновато раскачиваясь на поворотах, не успеваешь рассмотреть пролетающие мимо пейзажи и станции. Спешить не за чем, но время, не считаясь с твоим желанием притормозить, несется, словно с цепи сорвалось, дни сокращаются по мере увеличения левого сердечного желудочка. Пить уже не хочется, а есть запрещают врачи и собес.

...В этой группе больше коренных москвичей, чем в любой другой, не считая новорожденных. С испугом и восхищением они смотрят на непонятный город, выросший на месте того, который остался в их памяти, — это лучше, чем родной подвал с заплесневелыми стенами, но привыкнуть уже не успеешь. Робко и осторожно пересчитывают они странные деньги — вокруг все продается, но купить можно раз в месяц и не много. На их лицах — угрюмая готовность обидеться. Молодые им не нравятся, но и сами себе они не нравятся тоже, иначе были бы счастливы, а в старости счастье бывает редко и недолго, когда почти ничего не болит.

Так пропустите же их в дверях, у них мало времени.

Март 2006 года

ВСЕГДА ГОТОВЫ

Жизнь в большом городе — бесконечное путешествие. Каждое утро мы отправляемся в дальний поход, экипировавшись и снарядившись для ожидаемых неожиданностей.

Тонкая элегантная обувь позволительна круглый год только в сочетании с очень надежной машиной. При нынешнем демократизме гендиректор и рядовой клерк могут носить одинаковые джинсы и свитеры или строгие костюмы, но ноги выдают социальное положение. Те, кто делает несколько шагов от подъезда до Audi и наоборот, всегда обуты в легкие туфли, а передвигающиеся на автобусе и в метро или даже на подержанном, способном забастовать посреди дороги автомобиле — в мощные ботинки на трехсантиметровой подошве.

Всесезонная куртка с капюшоном, рабочие штаны, на которых незаметны грязные брызги, майка и свитер — униформа разумного горожанина. В ней не жарко в метро и прогретых до банной температуры, иначе стекла замерзают, «жигулях», в ней не холодно на остановке троллейбу-

са, который только что ушел. Женщины в шубах до земли и сапожках на каблуках вызывают иронию и сочувствие — на шубу кто-нибудь наступит, а каблуки особенно хороши в гололед.

Летом — свои прелести, например ливень до полудня и тридцатиградусная духота после. В плаще и поту мучается неопытный, не имеющий постоянно при себе крышки-зонта.

Главная же внешняя примета московского образа жизни — сумка. Дорожная торба на плечевом ремне, мужской безразмерный портфель, дамский ридикюль вместимостью с приличный чемодан, пенсионерская пластиковая авоська, молодежный рюкзак, вполне подходящий для экспедиции в дикие страны... Там все от ноутбука и книги Дэна Брауна до быстрорастворимого в кипятке обеда и початой бутылки пива. Активные холостяки дополняют набор электробритвой и зубной щеткой, привлекательные женщины — укомплектованной косметичкой и резервными колготками. Все свое мы носим с собой, как рекомендовали неприхотливые философы.

...Ну, пора собираться в автономное плавание. В океане по имени Москва нас ждет великое однодневное приключение.

Март 2006 года

ГОРОД КОНТРАКТОВ

Когда-то любая заметка о любом из городов мира, в котором удалось побывать выездному, в отличие от прочих советских людей, журналисту, начиналась канонической фразой: «Нью-Йорк (Париж, Лондон, Рим, Токио, Джакарта) — город контрастов». Это была присяга в верности марксистско-ленинскому единственно верному учению, которое делило людей исключительно на капиталистов и трудящихся. Дальше хорошо ложилась картинка: миллионер с сигарой выходит из «кадиллака» (предел советских фантазий о роскоши) и проходит мимо ютящегося в картонной коробке бездомного безработного (вариант — безработного бездомного)...

Если теперь написать «Москва — город контрастов», это будет истинной правдой без тени пропаганды. И дело не только в контрастах между богатыми и бедными. Главные контрасты Москвы более глубокие — между образом жизни и статусом человека, между средой и ее обитателями.

Далее следует простое перечисление.

Дама в двадцатитысячной шубе и ювелирного изящества сапогах шагает по грязным лужам; юноша в драных джинсах и детской курточке устраивается на заднем сиденье полумиллионного «майбаха»; бродяга в рванье обедает биг-маком и приличным импортным пивом; президент финансовой корпорации ходит с трехдневной щетиной, как голливудский разбойник, и бритоголовым, как русский каторжник; перед входом в пятизвездочную гостиницу рядом стоят швейцар в ливрее и охранник в ватном камуфляже; бутик мирового бренда открывается на первом этаже заброшенного дома с пыльными окнами; депутат выходит из стрип-клуба без малейшего страха налететь на папарацци; охранники похожи на бандитов, бандиты неотличимы от министров, а министры вполне сойдут за поп-звезд...

И все отлично сосуществует. Будто мы живем с городом по брачному контракту, договорившись не мешать друг другу. Лужи сами по себе, миллиардеры сами по себе, форма врозь с содержанием, гламур посреди грязи, слои чередуются.

Великий город устроен по рецепту Джеймса Бонда: водка с мартини, смешать, но не взбалтывать.

Апрель 2006 года

ИДЕТ СЪЕМКА

Квартирный вопрос, как известно, испортил москвичей.

Сказано дьяволом неплохо, но детали опущены, а ведь дьявол, как опять же известно, именно в деталях.

Одна из таких деталей: в советские времена все жили там, куда поселило государство. Всемером в двухкомнатной малогабаритке, на полу, на раскладушке, на диванчике в кухне — но там, где прописаны. Снимали жилье лишь две морально сомнительные категории населения: приезжие студенты из обеспеченных, которым не доставалось общежитий, и разведенные мужчины из благородных, совестившиеся делить законную жилплощадь с обезглавленной семьей. Да и эти ждали первой возможности опять въехать на какие-нибудь государственные или в крайнем случае кооперативные квадратные сантиметры. Сколько несчастливых браков

было заключено ради жилья, ради вселения в квартиру супруга или, чаще, супружских родителей! Потому что вся советская натура сопротивлялась выбрасыванию страшных денег на временное проживание — в середине 70-х за комнату в центре хозяева просили как минимум 50 рублей, 32,5 доллара по тогдашнему официальному курсу, треть приличной инженерской зарплаты.

...Мои нынешние сослуживцы — в основном молодые и очень молодые люди. Среди них много приезжих, но есть и коренные москвичи. И все, почти все они живут сами по себе, без родителей, не сосуществуя в противоестественной близости с бывшим мужем или женою, на «съемных», как теперь принято выражаться (прежде съемными называли только зубные протезы), квартирах. Они готовы платить за это от 300 долларов и больше, опять же, как правило, примерно треть своего заработка, и не пытаются изменить это положение любой моральной ценой — только за деньги, в кредит, под большие грядущие заработки, но никаких нравственных компромиссов. Квартирный вопрос стоит не менее остро, чем раньше, но уже не портит души горожан, торжествует примитивный, но честный материализм.

Словом, мессир, кое-что тут у нас изменилось со времени вашего прошлого визита.

Апрель 2006 года

НЕМИЛЫЕ БРАНЯТСЯ

Мы живем среди очень грубых людей. Они никогда — хоть при пешей ходьбе, хоть управляя автомобилем — не уступают дорогу. Случайно толкнув кого-нибудь, они ни за что не извиняются, в лучшем случае ограничиваясь универсальным словом «козел» (особенно непримиримы пожилые женщины). Если же толчок произошел в форме дорожно-транспортного происшествия, они вслух ненавидят друг друга до самого прибытия ГИБДД.

Они — это мы. Они считают хамами нас. Чувства взаимны.

В любых общественных местах, включая самые дорогие магазины и рестораны с персоналом, прошедшим обучение за границей, мы смотрим на нас же с плохо скрываемым раздражением и разговариваем либо нелю-

безно, либо фамильярно. Надежды на капитализм, который заставит всех «улыбаться за деньги», в нашем климате не оправдались.

Нас слишком много. Невозможно хорошо относиться к десяти миллионам путающихся под ногами москвичей и тем более к двум миллионам гостей столицы: душевных сил не хватает. Как жители других мегаполисов справляются с проблемой усталости от окружающего населения — неизвестно.

Нью-йоркское «Могу ли я вам помочь?» непостижимо в границах нашей национальной психологии. На хрен ты мне сдался помогать тебе! Поэтому у нас на проходных и в приемных используется угрожающе-высокомерная формула «слушаю вас». Услышав эти строгие слова, посетитель начинает сомневаться в цели своего визита... Если кто-то ошибется телефонным номером, ему обязательно ответят: «Нет таких». После этого он неизбежно задумается не только о том, каким же «таким» недостойным людям он звонил, но и о себе... Если же в разговоре соотечественник вас не расслышит, то переспросит просто и кратко: «Чего?» «Простите» с вопросительной интонацией можно услышать только не по-русски.

И никакое экономическое принуждение не изменит наши резко-континентальные, суровые манеры. Ну не любим мы друг друга. И со свойственной нам душевной прямоотой так и говорим: «Отвалите вы все».

Доставали потому что. И смотреть надо, куда прешь.

Май 2006 года

МЕСТО СДАЕТСЯ

Российская столица становится или уже стала столицей рекламы. Не город Канн, где устраиваются эстетские фестивали рекламных видеороликов как чистого искусства для искусства, а именно Москва — мировой центр, по крайней мере, наружной, самой заметной, монументальной рекламы. Правда, в смысле качества дела у нас обстоят так себе — примерно половина уличных рекламных текстов предсказуемо обгрызает скабрзные двусмысленности, другая половина скучно цитирует жаргонные шутки, все одинаково малограмотно, а картинки удручающе однообразны. Зато количество!.. Собственно, разглядеть город уже невозможно, видны только перетяжки и билборды. Гигантские панно

закрывают все, что ремонтируется и строится, а ремонтируется и строится у нас все.

Подобной концентрации нет ни в Париже, ни в Берлине. Разве что на Пиккадилли-серкус в Лондоне и Таймс-сквер в Нью-Йорке бушует такое же настенное безумие, как на заурядном московском перекрестке. Чувству законной гордости мешает только одно: этот «двигатель торговли» работает на холостых оборотах. Нет никаких доказательств того, что объем продажи стиральных машин, сотовых телефонов, автомобилей и чипсов пропорционален или хотя бы связан с площадью, отведенной под прославление этих товаров. Наоборот, некоторое знакомство с нравами и обычаями отечественного бизнеса и общий жизненный опыт заставляют думать, что очевидный рекламный бум вообще никакого отношения к торговле не имеет. А имеет он отношение: 1) к стараниям девочек из рекламных служб показать, что они энергично трудятся; 2) инстинкту директоров рекламных служб, заставляющему их требовать увеличения бюджетов и осваивать любые выделенные; 3) сущности чиновников, стремящихся получить от одной разрешительной подписи наибольшую пользу.

Город же постепенно превращается из явления культуры в заурядный рекламный носитель, лишенный какого-либо собственного содержания. Примерно такой путь проделали многие журналы и газеты, и остались от них только названия.

Май 2006 года

ТЕНЬ ГОРОДА

В древние фотографические времена, когда не то что «цифра», но и заурядные «мыльницы» никому не снились, а перемотка и спуск затвора в обычных камерах были не связаны между собой, имелась возможность нечаянно проэкспонировать один кадр пленки несколько раз — забыл перемотать и щелкнул снова. В результате странные получались картинки, если кому-нибудь приходила фантазия отпечатать испорченный снимок: сквозь портрет проступал пейзаж, лица наплывали одно на другое, на одном прямоугольнике фотобумаги совмещались разные моменты времени и точки пространства.

Того, кто помнит Москву с давних лет, эффект двойной экспозиции настигает ежеминутно и в любом месте. Сквозь бизнес-центр, скомбинированный из стеклянного ангара и лубочного терема, проступает зеленый доходный дом с обвалившейся лепниной, который стоял на этом месте вроде бы еще вчера, и даже какие-то темные мемориальные доски на нем были, как сомнительные награды и значки на парадном костюме пенсионера. Размывая очертания новенького жилого небоскреба с заоблачными пентхаузами, мерцает перспектива обширного пустыря с пыльным сквером в центре и трамвайным кольцом по периметру. Мегамаркет, сложенный из ярких панелей и прозрачных пирамид, накладывается на некогда заселенные достойным московским мещанством длинные желтенькие двуэтажки с мертвыми чердачными окнами. Бескрайнее пространство давно исчезнувшей привокзальной площади существует внутри гигантского новодела в актуальном великомосковском стиле, закрывшего и вокзал, и немалый кусок неба, когда-то отливавшего здесь особым, сиренево-сизым железнодорожным оттенком. Сброшенные памятники колеблются под городскими ветрами, словно надувные, теснясь в толпе новых...

Тени Москвы не исчезнут, пока ее долгожители сохраняют память, способность к двойной экспозиции. Они окончательно выцветут, растут и рассеются вместе с нами, зрителями музея пустот. И тогда душа города отлетит из этих мест, как бывает с человеческой душой на сороковой день.

Май 2006 года

НЕОБОЗРИМОЕ БУДУЩЕЕ

Любые прогнозы правильны. Похолодание в конце концов наступает вместе с очередной зимой, оттепель неизбежна не в марте, так в мае, любая жизнь кончается известно чем, хотя и неизвестно когда, все светлые надежды сбываются, как и страшные опасения, только в разное время.

Если порядочно поездить по Московской области, обязательно придешь к убеждению, что рано или поздно все это станет одним гигантским городом. Никакая кольцевая дорога не удержит внутри себя это бешеное освоение пространств. Леса и поля будто слизывает какой-то жадный

великан. Сыпь коттеджной мелочи смыкается в сплошное краснокирпичное пятно, будто волчанка поразила землю. Башни многоквартирных новостроек громоздятся все дальше от нынешних пределов большого города. Заросшие дикими травами пустыри и бывшие колхозные луга покрываются разноцветными, мгновенно возникающими, будто их клеят из картона, коробочками-модулями сырных, безалкогольных, авторемонтных и прочих бездымных производств. Шоссе съедают остальную землю, обозначая направления дальнейшего роста неуправляемой Москвы.

Предположим, что ничего радикального не случится, все будет идти как идет, по уже намеченным планам и дальше, дальше, дальше... Вокруг подмосковной деревни, где я живу четыре года, за это время выстроены по крайней мере еще четыре такие же деревни, и все вместе они уже не деревни, а почти готовый городской микрорайон. Гораздо больше похожий на город, чем, например, Никулино или Строгино лет 30 назад.

Сейчас в Москве и области, особенно с учетом формально неучтенных граждан, никак не меньше 20 миллионов жителей, и цифра все время растет. А в стране — 145, и цифра пока неуклонно уменьшается. В принципе, можно продлить кривые и подсчитать, когда они пересекутся. В каком году стянется вся Россия в Московскую область. Собственно, раньше наше государство так и называли — Московскойей.

Одно утешение: верны все прогнозы. Ну сольется все, а потом, глядишь, и рассосется как-нибудь...

Июнь 2006 года

СПИЧЬЕГО ПОЛЕТА

В Москве сверхъестественно много ворон.

То есть у нас и собак, и кошек бесхозных больше, чем во всей Европе, и голуби ходят толпами какие-то несчастные, не то что, например, в Лондоне на Трафальгарской площади, где они бодрые и будто вымытые шампунем... И всегда у нас городская фауна была обильная, но диковатая, бродячая, жалкая — ну что сделаешь, Евразия с сильным влиянием второй части этого слова.

Но такого количества ворон еще пару десятилетий назад в столице не водилось. Можно по-разному объяснять это природное явление, и навер-

няка такие объяснения у орнитологов есть. Мне же в голову приходят соображения фантастического и даже мистического характера, поскольку я специализируюсь не по птицам, а, в общем-то, по людям.

Вороны чрезвычайно умны, это почти общеизвестный факт. И они смогли своим вороньим умом оценить перемены нашей столицы к лучшему, ставшие очевидными за последние годы даже им. Гор-р-род хор-р-роший!.. Что же касается человеческого населения этого прекрасного города, то оно, я думаю, воронам не нравится. Единственное, что люди делают правильного с вороньей точки зрения, — непрерывно и неудержимо мусорят. В остальном эти двуногие ужасны: друг к другу недоброжелательны, постоянно раздражены и неразумны в поступках, включая манеру передвигаться. Скажите, видели вы ворон, которые толкают друг друга, прохаживаясь по заплыванному нами асфальту или вытоптанному нами же газону? Вряд ли. Толкаются только люди, вороны же полны чувства собственного достоинства и взаимоуважения. И уж если вороны подерутся, то за действительно первоклассного червяка, а не потому, что одна на другую посмотрела не так или у нее клюв другой формы...

И вороны сочли, что для нас Москва слишком хороша, и решили сами заселить ее. Можно, конечно, выйти на всенародную борьбу с ними — ишь, поналетели тут, черноперые. Ну и кто мы после этого будем? А они очень симпатичные, вороны. Вот и пусть живут рядом с нами — иметь умного соседа приятно и полезно.

Июль 2006 года

ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Иностранцы поражаются до полного остоленения. Мы-то уже привыкли и считаем, что так и положено, а они останавливаются и смотрят вслед, вывихивая шейные позвонки.

Общеизвестно, что в Москве живут самые красивые в мире женщины. В этом утверждении нет ни капли городского шовинизма, оно — лишь констатация очевидного факта. Приезжие из других городов бывшего СССР реагируют сравнительно сдержанно, поскольку у них тоже есть на кого посмотреть, хотя выбор меньше просто в соответствии с численностью населения. Но дальше зарубежье немеет перед московскими кра-

савицами и начинает искать причины феномена в удачном смешении кровей и вообще в генетике вплоть до монголо-татарского ига. Хотя какое отношение к хану Батью, кривоногому и метр с шапкой, имеют эти натуральные синеглазые блондинки с ногами в средний мужской рост и соотношением прочих размеров, превосходящих мировые стандарты, непонятно.

Объяснение московской женской красоте можно дать только одно: у наших женщин нет других шансов. Красота — их оружие стратегического назначения в нескончаемой битве, которую ведет каждый из нас с этим беспощадным городом. Ум, талант, усердие, образованность — все это тактические средства нападения и обороны, а вот фигура и выражение глаз — это резерв главного командования. Наш феминизм жесток, бывший слабый пол включили в общий забег на выносливость, не дав никакой форы. Красавица чуть меньше рискует налететь на подножку...

Вот почему они ходят на двенадцатисантиметровых каблуках по гололеду, красятся, как на сцену, обнажают в мороз животы, а в жару все остальное и тратят на внешность больше, чем им дают заработать размягченные видом прекрасного мужчины. Кое-как стриженной и умытой до полной бесцветности американке в вечных кроссовках и шортах мешком это не нужно, ей и так все доступнее, чем мужикам, усмирненным политкорректностью, — ну и результат налицо.

Мы же довели наших женщин до несравненной красоты, а теперь еще и гордимся ими.

Июль 2006 года

ПРЕТЕНЗИИ К ЗЕРКАЛУ

Большой город вообще полон раздражения, но Москва в этом абсолютный чемпион. Ну и неудивительно: вон сколько народу вокруг, надоели все невыносимо.

Дело даже не в прямой грубости, к которой мы склонны, естественно, более, чем воспитанные веками тесного общежития европейцы или американцы, уважающие друг друга еще с тех времен, когда взаимное уважение внедрялось кольцами и винчестерами. О нашем хамстве я уже писал как-то, а тут недавно получил подтверждение своим наблюдениям: Мос-

ква объявлена научными исследователями то ли самым, то ли одним из самых грубых городов мира. Хуже нас, кажется, только Бомбей.

Но сейчас не о грубости речь, а именно о раздражении, чаще всего скрытом, от которого страдает исключительно сам раздраженный. Боже мой, как же они все достали! Едущие не по правилам, идущие напролом, забросавшие все вокруг мусором, девушки, говорящие между собой на всю улицу матом, и юноши с пивными бутылками и банками, пьющие на ходу...

Как нам, несчастным, не повезло с земляками.

Между тем они — это мы и есть.

Только что подрезав чью-то машину, да еще и выехав при этом немного на встречную, мы бесимся, будучи сами подрезанными или еле разминувшись с каким-то козлом, захватившим часть нашей полосы. Не уступив в дверях дорогу выходящему, мы психуем через несколько минут, выходя через те же двери и упираясь в безостановочно прущую навстречу толпу. Вздрагивая от громкого и непереносимо неприличного разговора за спиной, не вспоминаем, какими словами только что пользовались в своей компании, причем во всеуслышание. И никогда не доходим до урны с окурком — в карман его прятать, что ли? Все равно кругом свалка.

В одном магазине, куда я иногда захожу, стены зеркальные. И всегда происходит одно и то же: глянешь нечаянно — это что ж за урод идет рядом?! Не сразуобразишь, что это ты сам и есть. Просто посмотрел со стороны и проникся естественным чувством отвращения к ближнему своему. Чувство объяснимое, но жизнь оно не украшает.

Июль 2006 года

Александр Кабаков

Москвариум

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Фотография на обложке *В. Горячев*

Подписано в печать 27.05.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 46 000 экз. Заказ № 0807020.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.